

На следующий день Фан Чжуншань разложил по бамбуковым корзинам уже подсушенные дикие орехи и спелые лесные плоды самого лучшего разбора. Он плотно укрыл их чистой мешковиной, собираясь отвезти на продажу в Город Процветающего Ян.

Цзян Жан поначалу порывался остаться дома: рассудил, что в торговых делах от него будет мало толку, а вот присмотреть за крошечными цыплятами да утятами на подворье кому-то нужно. Однако Фан Чжуншань так настойчиво и ласково упрашивал его поехать вместе, что мягкосердечный шуаньэр просто не смог отказаться.

Дядя Цзян оказался человеком дела. Проведав, что супруги собираются в город продавать дары леса, он тут же запряг своего любимого ослика и пригнал повозку к их дому. Как и прежде, старик наотрез отказался брать с них плату за дорогу.

Глубоко благодарный за такую доброту, Цзян Жан поспешил к очагу. Он до краев наполнил большую глиняную миску наваристым супом из старой курицы, который всю ночь томился на углях, и непременно захотел угостить гостя.

Мясо птицы разварилось до полной мягкости, а золотистая пленочка жира на поверхности бульона бережно хранила тонкий, изысканный аромат сетконоски сдвоенной. Дядя Цзян для приличия попытался было отказаться, но стоило ему поддаться на уговоры и сделать первый большой глоток, как все вежливые возражения тут же вылетели у него из головы.

— Вот это да! Ну и вкуснотища!

Старик шумно выхлебал суп до самого доньшка, не удержавшись и обсосав каждую косточку. Наконец он с сожалением вытер рот рукавом и восхищенно показал Фан Чжуншаню большой палец:

— Ну и мастеровиты вы! Наш домашний бульон, что варим по праздникам, и близко не стоял — у вашего вкус такой насыщенный, такой сладкий, прямо за душу берет!

Немного помолчав, дядя Цзян добавил:

— А еще мне в миске попались какие-то чудные белые стебельки. Хрустят так приятно, нежные, а ароматные какие! Неужто в лавке прикупил?

Наблюдая за тем, как старик увлеченно размахивает руками, Фан Чжуншань сразу понял, что речь идет о сетконоске сдвоенной.

Эти грибы сами по себе обладали удивительной способностью раскрывать вкус любого блюда, а уж истомленные на углях вместе с жирной домашней курицей, они превращали обычный бульон в настоящее кулинарное чудо.

— Это сетконоска сдвоенная, — улыбнулся Фан Чжуншань.

Дядя Цзян очень нравился ему своей прямоотой и добродушием. Зная, что перед ним надежный человек, молодой лавочник не стал темнить и честно признался:

— Я набрал их на Горе Одинокого Шамана. Коли пришлось по душе, дядя, возьмите немного с собой, дома сварите.

Старик не стал ломаться и с благодарностью принял кулек с грибами, после чего с утроенным рвением погнал своего верного ослика в сторону городских ворот.

Сушеные дикие орехи и нежные спелые плоды плохо переносили дорожную тряску и долгое хранение. Фан Чжуншань рассудил, что разумнее сначала сбыть товар на Длинной улице уличных лотков на Западном рынке, а уже потом, налегке, наведаться в Аптеку Ветра и Облаков к старому мастеру Е.

На Длинной улице уличных лотков никто не гонял торговцев — здесь не водилось строгих надзирателей. Любой деревенский житель мог пристроиться на свободном пятчке у обочины и зазывать прохожих прямо с земли.

Выбравшись из дома на самом рассвете, молодые люди успели к моменту, когда лоточники только раскладывали свой товар. Выбрав ровное и приметное местечко, они опустили тяжелые бамбуковые корзины, расстелили на земле чистую мешковину и высыпали на нее лесные плоды и мелкие дикие орехи, образовавшие аппетитные горки.

К тому времени как приготовления закончились, улица постепенно заполнилась первыми покупателями.

Дорогу сюда Фан Чжуншань преодолел в полной уверенности в своих силах, но стоило ему оказаться посреди бурлящего, разноголосого рынка, как он почувствовал легкую растерянность.

Опытные зазывалы по соседству кричали так, что закладывало уши, стараясь переорать друг друга. Состязаться с ними в зычности голоса у него не было ни малейшего шанса.

К счастью, его молодой супруг в торговом деле понимал куда больше. Из глубин повозки Цзян Жан извлек старенький, выдавший виды кожаный барабан, одолженный у кого-то из деревенских друзей, и принялся споро выбивать ладонями дробь.

Хоть инструмент и казался невзрачным, но от упругих ударов по натянутой коже по улице поплыл звонкий, ритмичный гул. Этот задорный перестук мигом заставил прохожих замедлить шаг.

Барабанный бой сделал свое дело: вокруг лотка быстро собралась праздная толпа, выискивающая свежий утренний товар.

Молодой шуаньэр не раз выставлял здесь свои скромные товары и успел перенять у городских зазывал немало хитростей. Заметив любопытные взгляды, он расплылся в приветливой улыбке, его глаза весело заблестели, а звонкий голосок зазвучал на удивление ласково:

— Свежие лесные плоды и дикие орехи с самой Горы Одинокого Шамана! Мой муж только вчера их собрал — сочные, спелые, чистые. Побалуйте детишек или сами полакомитесь, лучшего гостинца во всем городе не сыскать!

Путь от Горы Одинокого Шамана до города был неблизким, да и мало у кого из крестьян хватало терпения тащить на себе тяжелые корзины с копеечным товаром ради сомнительной выгоды.

Тем сильнее разгорелся интерес горожан, углядевших на лотке ухоженные, ровные лесные дары, какие редко встретишь на здешних прилавках.

Крепкий, плечистый ханьцзы протиснулся сквозь толпу поближе и басовито спросил:

— Эй, шуаньэр, почем отдаешь лесную ягоду?

— Пять плодов за одну медную монетку! — весело отозвался Цзян Жан. — И выбирать можете любые, какие глянутся!

Эту цену они с Фан Чжуншанем наметили еще до того, как отправиться в путь.

Дикие плоды — товар дешевый, продавать их на вес было делом неблагодарным: мало кто захотел бы возиться со взвешиванием ради горсти ягод.

Именно поэтому Фан Чжуншань пошел на хитрость.

Для мало-мальски зажиточного горожанина одна медная монетка не представляла особой ценности — на нее и безделицы приличной не сыщешь. Но когда за ту же монету предлагали выбрать целых пять спелых плодов на свой вкус, покупателю чисто психологически казалось, что он совершает на редкость выгодную сделку.

Фан Чжуншань тонко просчитал человеческую натуру. Стоило здоровяку услышать условия, как он, не раздумывая, выудил из кошелька пять медных монет и со стуком выстроил их в ряд на подстилке:

— Идет! Отсчитай мне двадцать пять штук.

Цзян Жан с сияющим лицом сгреб медь, а Фан Чжуншань принялся аккуратно отбирать и складывать плоды, на которые указывал покупатель.

— Ровно двадцать пять, все как просили. Держите аккуратнее, чтобы по дороге не помять.

Стоило первому покупателю сделать почин, как сомнения у стоявших вокруг зевак мигом рассеялись.

— А ведь и правда свежие, кожица аж лоснится! Давай-ка и мы возьмем немного, пускай детвора полакомится.

— Пять штук за медную монетку! Мы ведь первыми подошли, сейчас выберем самые спелые да крупные. Тут уж точно не прогадаешь!

Несколько прогуливавшихся вместе немолодых шуаньэр быстро перешептались и дружно обступили лоток. Доставая монеты, они так и горели нетерпением отобрать самые крупные и сочные плоды, пока их не опередили.

Один из первых покупателей, уставший от ходьбы под утренним солнцем, прямо на месте обтер плод о рукав и с хрустом надкусил его. Сладкий, ароматный сок брызнул во все стороны. Глаза мужчины изумленно округлились, и он, расталкивая локтями толпу, ринулся обратно:

— Ну и сладость! Невероятно вкусно! А ну-ка, отсыпьте мне еще на две монетки!

Аппетитная горка растаяла в считанные мгновения. Опоздавшим покупателям оставалось лишь разочарованно вздыхать, глядя на несколько невзрачных уродцев, которых все обходили стороной.

И пускай дикие плоды не отличались крупными размерами, в корзине их было не меньше двух сотен. Пересчитав выручку, Фан Чжуншань удовлетворенно улыбнулся — в кошельке приятно зазвенели тридцать с лишним медных монет.

Деньги, конечно, скромные, но ведь и за товар платить не пришлось — чистая, легкая прибыль.

— Какая досада! Мне соседка все уши прожужжала про ваши плоды, я бежала со всех ног, а все равно не успела! — сокрушались разочарованные женщины.

Расстроенные покупатели то и дело подходили к Фан Чжуншаню с расспросами:

— Парень, когда ты еще привезешь эту лесную ягоду? В городе ведь днем с огнем не сыщешь такой свежести за такие гроши. Ребятишек побаловать — милое дело!

Как выяснилось, даже в шумном и зажиточном Городе Процветающего Ян людская психология оставалась неизменной: лучшим приемом в торговле всегда было старое доброе желание сэкономить.

Поняв это, Фан Чжуншань решил не терять времени даром. Он придвинул ближе вторую бамбуковую корзину с сушеными дикими орехами, которые до сих пор скромно дожидались своего часа.

Очищенные от зеленой кожуры и подсушенные на огне орешки отливали темно-бурым цветом. Фан Чжуншань намеренно умалчивал их простое деревенское название, известное в Стране Великого Спокойствия, и звучно именовал их не иначе как «дикими орехами».

— Эти дикие орехи я с великим трудом сбивал шестами с самых верхушек старых деревьев! — зычно заговорил Фан Чжуншань. — На вид они, может, и невзрачные, зато ядра внутри — сладкие, хрустящие, так на зубах и тают! Кто опоздал к разделу ягод, не упустите возможность взять дикие орехи!

С этими словами он щедро высыпал на чистую дощечку пригоршню уже очищенных, золотистых ядрышек, зазывая прохожих отведать угощение.

Против бесплатного угощения устоять было невозможно. Несколько любителей поживиться за чужой счет первыми протянули руки, ухватили по паре ядрышек и торопливо забросили их в рот.

Однако стоило им сделать пару жевательных движений, как на их лицах отразилось крайнее изумление. Насыщенный, маслянистый и на удивление хрустящий вкус орехов превзошел все ожидания.

— А ведь и правда чудо как хороши! — невнятно пробормотал один из покупателей, судорожно сглатывая и восторженно показывая большой палец. — Почем отдаешь дикие орехи, парень?

Фан Чжуншань указал на высящуюся бурую горку и покачал головой:

— Дикие орехи собирать тяжелее всего, мне лишь чудом повезло отыскать эти деревья. Что скажете, коли отдам по пять медных монет за целую пригоршню?

— Уговор такой: вы даете мне пять монет, складываете ладони ковшом, и сколько сможете зачерпнуть за один раз — все ваше без остатка!

— Пять монет? Сколько унесем в горсти?

С такой диковинной торговлей прохожие сталкивались впервые. Люди удивленно переглядывались, пытаясь сообразить, в чем тут подвох.

Тот самый плечистый ханьцзы, который первым отоварился дикими плодами, не успел уйти далеко. Услышав условия, он вновь растолкал зевак и зычно хохотнул:

— Ладони у меня широкие, как лопаты! Коли зачерпну, так унесу добрую половину твоей кучи. Смотри, хозяин, чур потом не идти на попятную!

Увидев простодушного верзилу, Фан Чжуншань мысленно возликовал, но сохранил на лице напускную строгость. Он небрежно взмахнул рукой:

— Слово ханьцзы крепче камня! За пять монет унесешь столько, сколько пальцы удержат. Если хоть слово против скажу — верну твои деньги в двойном размере!

Ханьцзы со стуком всыпал пять монет в ладонь Цзян Жана, подошел к куче орехов и присел на корточки. Он широко развел массивные пальцы, сделал глубокий вдох и сгреб орехи обеими руками, ухитрившись подцепить внушительную гору.

— Каково, а? — довольно осклабился здоровяк.

Он с гордостью продемонстрировал свою добычу окружившей лоток толпе.

Фан Чжуншань без лишних слов расстелил плотный лист промасленной бумаги, аккуратно принял в него орехи и с уважением кивнул:

— Ну и хватка у вас, почтенный! Забирайте, все ваше по праву.

Удачный почин растравил душу остальным покупателям. В толпе началось оживление, особенно среди молодых супружеских пар. Жены и юные шуаньэр принялись настойчиво теревить своих мужей за рукава:

— Послушай, у этого парня орехи пахнут просто божественно! Я так хочу попробовать. Ты же у меня крепкий ханьцзы, ладони вон какие широкие — иди, зачерпни нам гостинца!

— Всего пять монет! В крайнем случае, не будем сегодня покупать паровые пирожки с бульоном, делов-то!

Ну какой молодой ханьцзы устоит перед ласковым шепотом и просящим взглядом любимого человека?

К тому же уговоры звучали разумно. Пять медных монет — сущий пустяк, но если подойти с умом да зачерпнуть побольше, можно и выгоду получить, и перед супругом своей силой да ловкостью похвастаться. Настоящему мужчине такое только в радость!

Рассудив так, молодые люди один за другим начали звенеть монетами, предвкушая возможность показать себя во всей красе.

<http://bllate.org/book/19394/1985550>